

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

№ 9.

СУББОТА, 1-ГО МАЯ 1876 ГОДА.

СЛОВО,

ВЪ НЕДЕЛЮ О РАЗСЛАБЛЕННОМЪ.

Въ ту (въ притворахъ) нѣкій человекъ, тридцать и осмь лѣтъ имый въ недугъ своемъ. (Іоан. V, 5).

Нынѣ чтенное Евангеліе представляетъ намъ разительную картину душевныхъ скорбей и тѣлесныхъ страданій одного несчастнаго. *Есть оо Іерусалимъхъ*, говоритъ оно, *овчая купль, пять притворъ имущи. Въ тѣхъ сажаше множество различныхъ болящихъ, между коими бѣ и нѣкій человекъ, тридцать и осмь лѣтъ имый въ недугъ своемъ.*

Легко понять, сколь ужасно и сколь жалко было состояніе сего разслабленнаго! 38-мь лѣтъ тяжкихъ недуговъ совершенно разстроили его жизнь: одръ болѣзни сдѣлался для него гробомъ, а онъ самъ — живымъ мертвецомъ!... Ужели милосердый Богъ, какъ любвеобильный Отецъ, пекущійся о человекѣ, забылъ сего несчастнаго? Ужели благость Его

сочла нужнымъ устроить дѣло такъ, что сей страдалецъ, при всѣхъ усилахъ, нигдѣ не находилъ облегченія своему горю? Но, *да не мудрствуемъ наче, еже подобаетъ мудрствовать.* «Какъ твореніе всеблагаго Бога, человекъ не можетъ страдать безъ воли Божіей, говоритъ Василій Великій; почему и то, въ чемъ страждеть, не вредное, а такое, чего лучше придумать нельзя». — Значить, страданія и скорби посѣщаютъ человека по намѣренію Промысла Божія и всегда — для благихъ цѣлей.

Братіе христіане! Жизнь наша есть море, воздвигаемое бурями напастей и скорбей. Болѣзни, язвы и всякія страданія, въ настоящемъ мірѣ, повсюдны и всегдашніи. Гдѣ и когда не жаловался человекъ на бѣдственную судьбу свою? И изъ насъ кто не страждеть, кто не несъ, или даже не несетъ въ жизни тяжкаго креста? Посему, чтобъ не изнемочь намъ подъ сямъ крестомъ, чтобъ не предаться унынію и отчаянію, поищемъ утѣшенія для себя въ самыхъ страданіяхъ, — разсмотримъ благія дѣйствія ихъ на человека.

Принося съ собою въ міръ сей грѣхи и беззаконія — Адамово наслѣдіе, мы ежеминутно до того умножаемъ его собственными пороками, что сами превращаемся въ существо грѣховное, дѣлаемся, по слову апостола, *тѣломъ грѣховнымъ.* Но отсель должны изыти чистыми и непорочными: иначе горе намъ, что мы родились и жили въ мірѣ семъ. Въ достиженіи сей цѣли страданія и скорби вспомоществуютъ намъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Онѣ суть тѣ спасительныя средства, которыя премудрый небесный Врачъ души и тѣлеса употребляетъ для того, чтобы очистить насъ отъ грѣховъ, утвердить въ добродѣтели и приготовить къ жизни вѣчной.

Благополучіе, въ какомъ бы видѣ ни являлось, всегда болѣе или менѣе опасно для нравственности человека, по самой природѣ своей слабого и удобопреклоннаго ко злу. Не

часто-ли, во дни счастья и довольства, при цвѣтущемъ здоровьи и сердечныхъ радостяхъ, мы предаемъ пагубной самонадѣянности, забываемъ благодѣющую намъ десницу Божию и, какъ бы въ глубокой сонъ, погружаемся въ нерадѣніе о своемъ спасеніи? Не часто-ли упоенные временными сладостями, обольщенные вожделѣннымъ успѣхомъ дѣлъ своихъ, мы совершенно забываемся и не замѣчаемъ того, какъ засыпаютъ въ насъ сѣмена вѣры и благочестія, а на мѣсто ихъ возникаютъ, быстро растутъ, усиливаются и укореняются страсти? Саулъ, прежде покорный волѣ Божіей, на престолѣ, — среди земнаго счастья, предается гордости и самонадѣянію; Соломонъ, прежде богобоязненный и благочестивый, окруженный блескомъ царскаго величія, предается разврату, впадаетъ въ идолопоклонство. Такъ, бр., чувственность, плоть всегда живетъ въ человѣкѣ, всегда враждуетъ и противоборствуетъ его духу, но особенно это бываетъ во время счастья, во дни благоденствія! И рѣдкій изъ людей, какъ опытъ показываетъ, можетъ устоять противъ ея сильнаго возстанія. — Чтобъ ослабить, поразить сего опаснаго врага, необходимо отнять у него поддерживающую и укрѣпляющую его силу, необходимо осудить его на постоянныя лишенія и скорби, *передать во изможденіе*. Это-то собственно и имѣть въ виду небесный Домовладыка и Отецъ нашъ, когда посѣщаетъ насъ страданіями и скорбями. Храня каждого изъ насъ, *яко змиину ока*, лучше насъ самихъ зная наше положеніе, наши духовныя нужды и, сообразно съ тѣмъ, устроая нашу временную судьбу, Онъ, конечно, когда только озлобляетъ и отягощаетъ насъ скорбями и болѣзнями, то всегда для того единственно, чтобъ тѣмъ помочь намъ въ трудной борьбѣ съ плотію, чтобъ за насъ поразить и *раснять* ее *со страстьми и похотьми*. И смотрите, какъ видимо и осязательно для всѣхъ и каждого достигается эта спасительная цѣль небснаго Промысла, — какъ

удачно и счастливо — страданіями и скорбями — излагаются пасубныя возстанія плоти нашей; исторгаются въ насъ вредоносныя сѣмена страстей и очищается сердце наше отъ всѣхъ нечистотъ грѣховныхъ! Въ первыя минуты душевныхъ скорбей и тяжелыхъ страданій въ насъ утихаетъ мятежъ похотей; престають бурныя мудрованія плоти и слабѣетъ *прилежащее намъ отъ юности помысленіе на зло*; съ продолженіемъ и усиленіемъ ихъ падаетъ вся хранина ветхаго нашего чловѣка со всѣми своими страстными движеніями и помыслами. Здѣсь, подъ ударами страданій и скорбей сокрушается гордость и ожесточеніе. Кто есть, говоритъ фараонъ, *Его же послушаю гласа? Не вѣмъ, Господи, и Израиля не отпущу*: (Исход. 5, 2.), но десять казней поколебали жестокосердіе его, и онъ мирно вѣщаетъ Моисею и Аарону: *востаните и отидите отъ людей моихъ, и послужите Господу Богу вашему*; (Исх. 12, 31.); здѣсь обуздывается и падаетъ духъ разсѣянности, безпечности и презорства. Израильтяне въ пустынѣ питаются манною и крастелями, камни источаютъ имъ воду, облако прикрываетъ ихъ отъ палющаго зноя; въ упоеніи отъ радостей, въ невѣдѣннн скорбей, они забываютъ Бога, столь щедро благодѣявшаго имъ и *многократно преогорчаютъ Его*: *но егда убиваше я, тогда взыскаху Его и обращашася... къ Нему*, — тогда только и *помянуша, яко Богъ помощникъ имъ есть*. Стрѣлы страданій и скорбей побѣждаютъ и духъ самонадѣанія, прогоняють помысль кичливый. Тщеславный Антиохъ, мечтавшій *повелѣвати волнами морскими и мрриломъ высоту горъ измѣрити*, грозитъ Иерусалимъ содѣлать гробомъ для іудеевъ: но, пораженный жестокою и неисцѣльною болѣзнію, познаетъ самаго себя, свое ничтожество и, *явную Божию силу всѣмъ показуя*, вопіетъ: *праведно есть повинутися Богови и, смертну сицу, равная Богови не мудрствовати горды*. (2 Маккав. 9, 12.). Словомъ:

какъ во внѣшней природѣ ужасные ураганы, сильныя бури разгоняють мракъ и туманъ, наносящіе смерть, очищаютъ и освѣжаютъ воздухъ: такъ точно дѣйствуютъ въ нравственной природѣ человѣка страданія и скорби: онѣ совершенно разгоняють въ душѣ его мракъ тлетворныхъ страстей и всецѣло очищаютъ ее отъ сквернъ грѣховныхъ. Будемъ же, бр., благопокорны небесному Промыслу, *питающему насъ иногда хлѣбомъ слезнымъ и показующему жестока!* Мысль, что *страждущій плотию престаесть грѣшить*, да укрѣпляетъ насъ во дни тяжкихъ искушеній, да вооружаетъ терпѣніемъ и упованіемъ на благодать Промысла!

Но разрушая и искореняя нашего ветхаго человѣка, страданія и скорби въ тоже время насаждаютъ въ насъ новую духовную жизнь. — Нельзя, бр., не замѣтить, какъ прочно и какъ плодоносно бываетъ это начало новой благодатной жизни человѣка. Мудрыя вразумленія и увѣщанія старшихъ, спасительные совѣты и увѣженія родныхъ и знакомыхъ, нравственные уроки и наставленія, предлагаемые въ храмахъ Божіихъ, производятъ на насъ большею частію только мимолетное впечатлѣніе, а иногда даже вовсе остаются безплодными: но страданія и скорби, проникая въ самую душу, потрясая основаніе существа нашего, оставляютъ въ насъ глубокіе слѣды своего посѣщенія. Нанося чувствительный ударъ плоти, онѣ въ тоже время даютъ свободу и просторъ дѣятельности духа нашего, заставляють его чаще и беспрепятственнѣе изливаться въ молитвахъ предъ *Могущимъ спасти насъ отъ смерти*, побуждаютъ воспарять въ горня, въ тотъ міръ, гдѣ царствуетъ вѣчная любовь и гдѣ сердце, исполненное житейскими тревогами, обрѣтаетъ единственный пріютъ утѣшенія и радости. Отсюда образуется цѣлый ликъ высокихъ добродѣтелей. Здѣсь укрѣпляется и просіяваетъ наша вѣра въ Бога, Помощника и Защитника отъ всѣхъ напастей,

наша любовь къ Нему и наше упованіе на Него; здѣсь научаемся мы всепобѣждающему и пады всѣмъ торжествующему терпѣнію, кротости и смиренію; здѣсь приобретаемъ преданность и повиновеніе небесному Промыслу, словомъ: получаемъ навыкъ и утверждаемся *не ктому человеческимъ похотемъ, но воли Божіей проше во плоти жити время*. И можно сказать: чѣмъ болѣе нашъ вѣшній человѣкъ тѣлеть въ горнилѣ страданій и скорбей, тѣмъ болѣе обновляется и украшается нашъ внутренній. Посему, удивительно-ли, что Праведники не только не страшились страданій и мученій, но даже желали ихъ, *радовались во страданіяхъ, хвалялись скорбями* и съ дивнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ переносили ихъ? Они знали, что въ страданіяхъ, какъ въ горнилѣ, очищается и утверждается наша добродѣтель, — что *егда немоцствуетъ плоть, тогда особенно силенъ дѣлается духъ нашъ*. И дѣйствительно, всегда выходили изъ огня страданій и скорбей чистыми и совершенными, украшенные свѣтлыми добродѣтелями. Да воодушевляемся и мы, бр., во дни страданій и скорбей любовью къ добродѣтели, стремленіемъ къ нравственному совершенству!

Совлекаясь такимъ образомъ въ страданіяхъ ветхаго чловѣка и облекаясь въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, мы дѣлаемся наконецъ наследниками вѣчнаго блаженства. Не имѣя здѣ пребывающаго града, чловѣкъ взыскуеть грядущаго; *призванный Богомъ въ вѣчную славу Его о Христвъ Тисусь*, онъ стремится улучшить ее. Но какимъ образомъ онъ можетъ обѣщать себѣ успѣхъ въ этомъ стремленіи? можетъ-ли достигнуть сей славы безъ страданій и скорбей, восхитить царствіе небесное безъ слезъ? Нѣтъ, бр., единственный путь отъ земли на небо, въ общеніе Святыхъ, въ царство славы есть — путь, усѣянный терніемъ и волчцами. *Врата узкая и путь тѣсный вводятъ въ жизнь вѣчную*, сказалъ Спаситель. Кто не родится водою и ду-

хоть, — кто не очистится въ горькой водѣ страданій и скорбей, не преобразится духомъ въ огнѣ тяжкихъ испытаній, — тотъ не можетъ внити въ царствіе Божіе: *плоть и кровь*, коимъ не дано *насмѣдовать живота вѣчнаго*, составляя существо такого человѣка, его жизнь и душу, всецѣло восприняствуютъ ему въ томъ. Съ плотію и кровію, нечистые, обезображенные грѣхомъ, — какъ можемъ мы дойти до сей славы, не бывъ напередъ очищены искушеніями, укрѣплены страданіями и скорбями? Подлинно, бр., многими страданіями и скорбями подобаесть намъ внити въ царствіе Божіе! Другаго пути нѣтъ. Искушитель нашъ, Иисусъ Христосъ давно осятивилъ и уладилъ его Своими стопами; Самъ неуклонно шель по нему и послѣдователямъ Своимъ заповѣдалъ не оставлять его. И мощно слово Его! Святые апостолы, мученики и многіе другіе страстотерпцы послѣдовали стопамъ Божественнаго Учителя Своего, радостно шли труднымъ путемъ страданій и скорбей, — и нынѣ покоятся уже въ лонѣ Авраама, Исаака и Іакова: и мы, бр., ида симъ *«святымъ царскимъ путемъ»*, перенося благодушно страданія и скорби, подражаемъ Началовождю Своему Иисусу Христу, *несемъ Его язвы; аще же съ Нимъ страждемъ, съ Нимъ и прославимся*: временныя страданія и скорби, очистивъ сердце наше отъ всякія скверны и порока, искупаютъ насъ отъ вѣчныхъ мученій. *Такъ понеже приобщаетея Христовымъ страстемъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящесе!*

Такъ, бр., Богъ посѣщаетъ насъ страданіями и скорбями на пользу, да причастимся святости Его. Тѣмъ же убо да не стужаемъ си во время страданій и скорбей, но паче да радуемъ, видяще, яко аще внѣшній нашъ человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни, и яко, *вмалъ наказаны бывше, великими благодѣтельствованы будемъ!* Аминь.

ЗАПИСКА О ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ СЕМИНАРИИ ¹⁾.

(По Семинарскому архиву).

Въ послѣдній разъ въ запискѣ о Екатеринославской Семинаріи мы сказали, что послѣ долгой переписки съ Петербургомъ купленъ былъ для Семинаріи домъ Неласси. Это было въ самыя послѣдніе дни 1838 г. Тогда же, если запомнятъ читатели, составлена была смѣта въ 85 тыс. руб. на новыя пристройки вблизи купленного дома, да предполагалось еще строить дома и службы на другомъ семинарскомъ дворѣ, на сумму по крайней мѣрѣ въ 85 тыс. руб. Всѣ эти заоблачныя мечтанія Правленія Семинаріи были отправлены отъ имени Его Преосвященства къ Оберъ-Прокурору Св. Синода. Въ дѣлахъ семинарскаго архива нѣтъ свѣдѣній, данъ-ли былъ какой нибудь отвѣтъ Семинаріи на ея прекрасныя предположенія. Скорѣе можно думать, что въ Петербургѣ испугались небывалыхъ еще запросовъ Правленія Екатеринославской Семинаріи и, чтобы не переливать изъ пустаго въ порожнее, краснорѣчиво промолчали. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ недавняго полученія изъ Петербурга 42 тыс. руб. на покупку дома Неласси, послѣ того какъ тамъ дѣло по постройкамъ Екатеринославской Семинаріи считали, вѣроятно, уже поконченныиъ,—требованіе еще денегъ, не менѣе полутора ста тыс. р. могло ошеломить какое угодно управленіе, а тѣмъ болѣе духовное, которое всегда жаловалось на недостатокъ денегъ. Семинаріи пришлось, такимъ образомъ, перебиваться тѣмъ, что она имѣла, а что она имѣла мы увидимъ изъ послѣдующаго.

Помѣщеніе Ректора Семинаріи. Еще въ 1838 г. Ректоръ Семинаріи просилъ Правленіе сдѣлать подпорки къ его квар-

¹⁾ См. Екат. Епарх. Вѣд. 1872 г. №№ 14—16, 1874 г. №№ 11—13.

тирѣ, чтобы не быть когда нибудь похороненнымъ въ развалинахъ того дома, который онъ занималъ. Въ 1839 году, — съ чьего разрѣшенія — не видно, сдѣлана смѣта на постройку дома для просителя, но прошелъ этотъ годъ — ректоръ сидѣлъ еще въ своемъ старомъ гнѣздѣ; прошелъ 40-й годъ — перемѣны никакой не послѣдовало; въ 41-мъ году ректоръ донесъ Правленію, что въ его квартирѣ — рамы, полы и двери и ставни никуда негодятся. Мы не можемъ не сказать при этомъ случаѣ объ умѣнны людей переносить всякія невзгоды. Сколько лѣтъ тому назадъ — ректора Семинаріи жаловались на невозможность жить въ той квартирѣ, которая отводилась для нихъ, — и однако годы шли за годами, а ихъ покосившійся домъ, почти безъ половъ, рамъ, дверей и ставень все еще стоялъ и въ немъ все еще жили начальники Семинаріи. Наконецъ за долгое терпѣніе послѣдовала должная награда. Въ годъ послѣдней жалобы ректора на свою почти разваливающуюся квартиру — ему построили новый домъ изъ дерева, на каменномъ фундаментѣ съ каменнымъ нижнимъ этажемъ. Это тотъ самый домъ, въ которомъ живетъ теперь о. ректоръ Семинаріи, домъ весьма не видной наружности, не видной по крайней мѣрѣ для начальника средне-учебнаго заведенія. Что онъ стоилъ, — изъ дѣлъ не видно, но по смѣтѣ въ 1839 г. на него назначалось 2756 руб. Итакъ, одинъ жалобщикъ былъ удовлетворенъ и съ той поры ректоръ Семинаріи живетъ, хотя не въ красивомъ, но довольно удобномъ и въ зимнее время тепломъ домѣ.

Помѣщеніе Смотрителя училища. Мы не знаемъ въ точности того дома, гдѣ жилъ смотритель училища; онъ занималъ казенную квартиру, вѣроятно какое-нибудь старое зданіе на старомъ семинарскомъ дворѣ. По словамъ нынѣшняго г. Инспектора Семинаріи — это былъ домикъ, выдававшійся къ нынѣшнему бульвару, нѣсколько выше новаго семинарскаго кор-

иуса. По всему предыдущему мы можем гадать, какова должна быть квартира смотрителя училища, когда и ректорская квартира была, что называется, безъ оконъ— безъ дверей. Зная изъ былыхъ временъ жалобы ректоровъ Семинаріи на свое помѣщеніе, мы нисколько не будемъ удивляться тому, что въ 1843 г. писалъ смотритель училища о своей квартирѣ. «Въ квартирѣ моей, говоритъ онъ, *часть крыши провалилась, повсюду течь, отъ чего въ комнатахъ сырость и влажность, вредно дѣйствующая на здоровье; отъ сырости вездѣ цвѣтежъ и все разрушается, вещи пропадаютъ и мои собственныя и училищныи архивы, какъ и книги безмездной раздачи. Кроме того, отъ влажности половъ заводятся напѣкомыя и животныя, употребляющія вещи*». Изобразивши такъ хорошо свою квартиру, смотритель училища просилъ себѣ флигель, гдѣ жилъ инспекторъ Семинаріи; смотритель разумѣлъ здѣсь тотъ флигель, гдѣ временно проживала жена умершаго учителя Семинаріи Дубровы съ своимъ семействомъ. Обстоятельство это указываетъ по видимому на то, что инспекторъ Семинаріи жилъ въ то время гдѣ-то въ другомъ уже мѣстѣ. Нынѣшній инспекторъ Семинаріи Иванъ Васильевичъ Ващинскій сообщилъ намъ, что въ то время ректоръ Семинаріи вызванъ былъ въ Петербургъ на очередь, почему тогдашній инспекторъ воспользовался случаемъ, чтобы пожить хоть нѣсколько времени въ удобной квартирѣ; онъ бросилъ свою неуклюжую и холодную квартиру; смотритель же училища, воспользовавшись этимъ, просилъ помѣстить его въ этой брошенной квартирѣ, потому что его собственная, какъ мы видѣли, была еще холоднѣе, сырѣе и гнилѣе.

Помѣщеніе учениковъ Семинаріи и училища. Мы видѣли помѣщеніе начальствующихъ Семинаріи и училища. Посмотримъ теперь на жилье тѣхъ, которые учились. Въ томъ самомъ 41-мъ г., когда произошла перемена въ жизни рек-

тора, получившаго себѣ новый домъ, должны были испытать перемѣну, только не къ лучшему, а къ худшему, и тѣ, которые были подвѣдомы ректору. Злосчастные дома Жмелева и Синельникова, предметъ радости семинарскаго начальства въ первое время приобрѣтенія ихъ и — горя и скорбей въ послѣдующіе годы, наконецъ запустѣли совершенно. Последняя ихъ судьба едва ли не связана съ постройкою ректорскаго дома. По словамъ здѣшнихъ старожиловъ, камни для дома ректора перевозились изъ тѣхъ мѣстъ, которыя все-еще слыли подъ именами Жмелева и Синельникова; вѣрно-ли это, мы не знаемъ; знаемъ за вѣрное только то, что перевозка камней дѣйствительно была, но гораздо позже, въ 1847 г. Можетъ быть, впрочемъ, перевозка началась и ранѣе, и совершалась по мѣрѣ надобности. Какъ бы то ни было, но въ 1841 г. ученики, жившіе въ тѣхъ краяхъ, оставили свое пепелище. Въ одномъ только какомъ-то флигелѣ, — и то на короткое время, — должны были еще оставаться больные. Но и для этого флигеля скоро должно было настать послѣднее время. Въ 1843 г. тогдашній врачъ Семинаріи, Щировскій, пожертвовавшій для семинарскаго больницы собственныхъ денегъ 500 р. 60 к. ассиг., но какъ видно мало помогшій этимъ никуда негодной больницѣ, написалъ семинарскому Правленію слѣдующее донесеніе: «домъ, занимаемый семинарскою больницею пришелъ въ такое разрушительное положеніе, что я не вижу ни малѣйшей возможности помѣщать въ ономъ больныхъ воспитанниковъ Семинаріи. Сверхъ постоянной убійственной сырости и холода, онъ еще угрожаетъ своимъ паденіемъ. О такомъ бѣдственномъ состояніи больницы уже два раза было рапортовано семинарскому Правленію. Если семинарская больница останется въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, то я не предвижу не только успѣшнаго пользованія больныхъ воспитанниковъ, но даже не смѣю

ручаться и за самую оныхъ жизнь. Сырость и холодъ зимою; духота въ прочее время не только вредятъ пользованію, но даже могутъ произвести повальныя заразительныя болѣзни собственно въ больницѣ. О чемъ донося Правленію, убѣдительноше прошу оно не оставить своимъ распоряженіемъ перевести больницу въ другое удобное зданіе». Неизвѣстно, на что рассчитывалъ Щировскій, когда писалъ подобное донесеніе; безъ всякаго сомнѣнія онъ зналъ, что зданій удобныхъ для больницы, не смотря на все изобиліе зданій, не было. Остается предположить одно изъ двухъ, или всѣ остальные дома, не смотря на невѣроятную ветхость свою, все-таки были сносите, чѣмъ тотъ, гдѣ помѣщалась больница, или, можетъ быть, своимъ репортомъ добросовѣстный врачъ хотѣлъ заставить семинарское Правленіе нанять подъ больницу домъ въ городѣ. Если Щировскій имѣлъ въ виду первое — онъ достигъ своей цѣли, если же второе — жестоко ошибся. Вотъ что надумало семинарское Правленіе. Въ своемъ представленіи Его Преосвященству, прописавъ репортъ врача, оно изображало далѣе тогдашнія помѣщенія и размѣщенія въ слѣдующихъ чертахъ: «изъ всѣхъ зданій на Жмелевскомъ и Синельниковскомъ дворахъ нѣтъ ни одного, которое годилось бы на что-нибудь, а потому онѣ всѣ закрыты и изъ нихъ больница закрывается послѣдняя. Больница перемѣщается въ круглую бурсу, гдѣ до сихъ поръ помѣщалось 28 учениковъ училища. Но больница въ этой бурсѣ останется недолго; это будетъ только временное помѣщеніе ея. Если оно попало подъ больницу, то единственно потому, что его можно поправить легче и скорѣе, чѣмъ другія зданія». А что менѣе требуется въ этомъ зданіи поправки, семинарское Правленіе тутъ же указываетъ, какія именно поправки сдѣлать въ предполагаемой временной больницѣ: крышу перекрыть, на мезонинѣ устроить цехаусъ изъ шелевокъ, галлерю заставить рамами и притомъ

старыми экономическими; полы пересыпать; двѣ двери задѣлать, а двѣ прорубить въ перегородкахъ; трое дверей старыхъ понизить, и косяки, гдѣ нужно, поставить новые; поставить 12 новыхъ лѣтнихъ рамъ; въ четырехъ комнатахъ внутреннія стѣны оштукатурить; фундаментъ облицевать кругомъ въ полкирпича.

Итакъ, послѣ указанныхъ поправокъ, большыя будутъ имѣть новое помѣщеніе. Но затѣмъ остается немаловажный вопросъ, куда дѣвать тѣхъ 28 здоровыхъ, которые изгнаны будутъ больными? Правленіе Семинаріи, всегда съ честью выходившее изъ подобныхъ затрудненій, и на этотъ разъ рѣшило предстоявшій ему вопросъ хотя очень оригинально, за то повидимому весьма удовлетворительно. «Такъ какъ, писало оно въ томъ же представленіи къ Его Преосвященству, за назначеніемъ круглаго дома для больницы, 28 казенныхъ питомцевъ должны быть выведены изъ того дома въ другой, и какъ кромѣ Синельниковскаго флигеля, который можетъ быть занятъ питомцами до 20 человекъ, хотя впрочемъ и съ большею нуждою, нѣтъ ни одного зданія, гдѣ можно было бы помѣстить тѣхъ бурсаковъ, то Правленіе и положило помѣстить 20 учениковъ въ упомянутомъ флигелѣ на Синельниковскомъ дворѣ». Если въ этомъ рѣшеніи семинарскаго Правленія читатели увидятъ страшную бѣдность Семинаріи, доходившую въ описываемое время почти до нищеты, то съ другой стороны они должны увидѣть здѣсь старую привычку Правленія жаться, жаться до изумительной крайности. Мы говоримъ это потому, что Правленіе всегда имѣло у себя запасныя деньги, которыя оно берегало неизвѣстно для какихъ цѣлей. Перемѣщая 20 учениковъ во флигель на дворѣ Синельниковскомъ, гдѣ въ продолженіе года попеременно господствовали холодъ, сырость и духота, Правленіе очевидно рассуждало такъ: если въ томъ зданіи не могутъ жить больные, то могутъ жить здоровые,

хотя бы имъ грозила опасность тоже стѣлаться больными. Но и съ этимъ рѣшеніемъ вопросъ еще не исчерпывался вполне. На рукахъ семинарскаго Правленія оставалось еще 8 человѣкъ. Куда было дѣвать ихъ? По этому обстоятельству Правленіе какъ бы случайно проговорилось касательно горькой жизни тѣхъ, которые наполняли семинарскія зданія. Ничего не говоря о тѣхъ 8, оно, общимъ, такъ сказать, взглядомъ на стѣсненную жизнь бурсаковъ, даетъ понять, что 8 человѣкъ помѣстить совѣтъ уже некуда. «Правленіе Семинаріи изъ состраданія къ человѣчеству, писало оно далѣе, и по крайней нуждѣ, помѣщая на 98 койкахъ болѣе 125 человѣкъ, бурсаковъ и полубурсаковъ, дознало на опытъ физическій вредъ (это еще не много) отъ стѣсненности въ помѣщеніи. Посему, изъ 82 бурсаковъ, помѣщающихся нынѣ въ казенномъ домѣ, оно положило оставить 70 и водворить ихъ въ длинный бурсъ, а 12 вывести на вольныя квартиры съ назначеніемъ имъ полнаго бурсачнаго оклада; изъ числа же 46 полубурсаковъ, 20 помѣстить (сказано выше) въ Синельниковскомъ флигелѣ, а 26 вывести также на вольныя квартиры съ назначеніемъ имъ полубурсачнаго оклада». Изъ бумагъ не видно, приведены-ли въ исполненіе предположенія семинарскаго Правленія. По всей вѣроятности приведены. Во всякомъ случаѣ читатели сами могутъ составить себѣ представленіе о той невѣроятно бѣдной жизни, какую должны были вести малыя дѣти. Если къ кому, то къ нимъ вполне примѣнимо русское выраженіе, что они *влачили свое существованіе*. Покупка дома Неласси очевидно ничѣмъ не отразилась на этомъ бѣдномъ и скорбномъ существованіи.

Ученики Семинаріи жили нѣсколько лучше; большая часть казеннокоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи, до 70 человѣкъ, помѣщались въ домѣ, купленномъ у Неласси. Но было-ли тамъ тѣсно или просторно, тепло или холодно — дѣла того времени

не передаютъ намъ ничего. Не нужно забывать, при этомъ, что въ этомъ же домѣ помѣщались всѣ классы Семинаріи какъ и училища. Особеннаго простора и удобства слѣдовательно и здѣсь не могло быть. А по нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что и въ каменныхъ палатахъ жилось едва-ли многимъ лучше, чѣмъ въ деревянныхъ разваливавшихся сараяхъ. По наружности мѣсто Неласси во многомъ напоминало старое семинарское мѣсто. Заборы около дома Неласси, писалъ экономъ въ 1843 г., ветхи, а по мѣстамъ и совсѣмъ нѣтъ заборовъ. О степени же удобства жизни въ домѣ Неласси мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе по одной бумагѣ, поданной тѣмъ же экономомъ въ семинарское Правленіе. «Камера, писалъ онъ, занимаемая философскимъ классомъ для учениковъ средняго отдѣленія Семинаріи, коихъ числомъ 62 человекъ, тѣсна такъ, что *отъ духоты невозможно ни часу высидѣть въ оной*. Для отвращенія сего неудобства являю полагаю, оную камеру расширить на цѣлое къ сѣверу (окно чрезъ переноску перегородки за одно окно корридора). Это коротко и ясно. Въ той комнатѣ, въ которой, по словамъ эконома, нельзя высидѣть и часу, однакожь сидѣли и учились, и не по часу, а по нѣсколько часовъ. Удобство, какъ видятъ читатели, не очень большее. Но люди способны ко всему привыкать. Нужно свыкнуться и съ духотою и грязью, чтобы оставаться спокойнымъ среди духоты и грязи. Съ такими именно неудобствами, по видимому, свыклись жившіе въ домѣ Неласси и посѣщавшіе его, не только учащіеся, но, что хуже всего, учащіе и начальники Семинаріи. На это замѣчаніе мы приседемъ здѣсь не лишенный извѣстнаго значенія фактъ. Единственное удобное время, когда можно было прочищать семинарскія зданія, заключавшія въ себѣ самую зловредную атмосферу—было каникулярное время. Можно однакожь думать,

что тогдашнее начальство Семинаріи не много хлопотало объ этомъ, а можетъ быть и вовсе не заботилось о подобной роскоши. Въ 1841 г. извѣстный уже намъ врачъ Щировскій, какъ видно весьма добросовѣстно исполнявшій обязанности врача, 10 августа, т. е. за нѣсколько дней до начала учебнаго времени, подалъ въ Правленіе Семинаріи слѣдующее заявленіе: «по причинѣ вакаціоннаго времени классныя и жилия комнаты свободны и ни къ кому не заняты, а между тѣмъ большая часть оконъ какъ въ классахъ, такъ и въ камерахъ закрыты, слѣдовательно и воздухъ въ оныхъ остается почти безъ перемѣны, что въ послѣдствіи можетъ произвести вредъ, о чемъ донося Правленію Семинаріи, я, по долгу званія моего, покорнѣйше прошу оное Правленіе приказать, кому слѣдуетъ, для лучшаго и удобнѣйшаго освѣженія воздуха, отереть окна, *и иди можно возсе выставитъ оныя;* вмѣстѣ съ этимъ полы вымыть, а стѣны выштукатурить». Кого поражаетъ заявленіе г. врача — судить не наше дѣло. Мы указываемъ на фактъ, подтверждающій то, что сказано нами выше, что и въ домѣ Неласси господствовали и тѣспота, и духота, и грязь.

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Далматъ.

Редакторы — сотрудники { А. Ржевскій.
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Слово, въ недѣлю о Разслабленномъ. II. Записка о Екатеринославской Семинаріи.

Дозволено цензурою. 29-го апрѣля 1876 года.

9 № Епарх. Вѣд. данъ на почту 1 мая. Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.

